

общество с его прошлым. В заключение можно сказать, что психоанализ как метод используют для того, чтобы напомнить о тех проблемах бессознательного, которые ещё не решены сознанием. Техника психоанализа показывает нам значение памяти в жизни человеческой личности.

Примечания

- ¹ См.: Платон. Тезетт // Собр. соч. : в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 251.
- ² См.: Аристотель. О душе. О памяти и припоминании // Вопр. философии. 2004. № 7.
- ³ См.: Арнаутова Ю. Е. От «тмотогія» к истории памяти // Одиссей. М., 2003. С. 171–198.
- ⁴ См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007 ; Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.
- ⁵ См.: Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. 728 с.
- ⁶ См.: Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995. С. 152–186.
- ⁷ Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990. С. 202–309.
- ⁸ Цит. по: Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти. М., 1980. С. 106.
- ⁹ См.: Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. 420 с.

- ¹⁰ См.: Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. С. 189.
- ¹¹ См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти.
- ¹² См.: Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. С. 8.
- ¹³ См.: Эткинд А. Время сравнивать камни. Постреволюционная культура политической скорби в современной России // Ab imperio. 2004. № 2. С. 35.
- ¹⁴ Рюзен Й. Кризис, травма, идентичность // «Цепь времён». Проблема исторического сознания. М., 2005. С. 59–60.
- ¹⁵ Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 93.
- ¹⁶ Адорно Т. В. Что означает «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 44.
- ¹⁷ Руткевич А. М. Психоанализ, история, травмированная «память» // Феномен прошлого. М., 2005. С. 221–251.
- ¹⁸ Там же. С. 238.
- ¹⁹ См.: Социальная память российской цивилизации. Саратов, 2001. 93 с. С 1989 года в Израиле издаётся журнал («History and Memory: Studies in Representation of the Past») «История и память. Исследования в области репрезентации прошлого».
- ²⁰ Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Ab imperio. 2004. № 3. С. 75.

УДК 1:316

ИДЕОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ТЕРРОРИЗМА ПОД ЗНАКОМ ТРАДИЦИИ/МОДЕРНА/ПОСТМОДЕРНА

И. М. Семашко

Волгоградский государственный университет
E-mail: vse-v-shokolade@ya.ru

В статье дан обзорный анализ интерпретаций феномена «глобальный терроризм», существующих в научном и политическом сообществах. Выявленные интеллектуальные и идеологические позиции структурированы в соответствии с принятой периодизацией европейской концепции всемирной истории, т. е. под знаком традиции, модерна и постмодерна. Каждое из этих направлений вырабатывает свое концептуальное видение терроризма, называет причины этого явления и предлагает способы решения проблемы.

Ключевые слова: глобальный терроризм, традиция, модерн, постмодерн.

Global Terrorism Ideology under the Sign of Tradition/Modern/Postmodern

I. M. Semashko

This article presents an analytical review of the existing in academic and political areas interpretations of the phenomenon of «global terrorism». Exposed intellectual and ideological positions are structured according to acknowledged periodization of the European Universal history conception, i.e. under the sign of tradition, modern and

postmodern. Each of these directions produces one's conceptual vision of the phenomenon of terrorism, names its reasons and gives recommendations to solve the problem.

Key words: global terrorism, tradition, modern, postmodern.

Глобальный терроризм является одним из основных вызовов современности, влияющих на перспективы развития мира в целом. Одной из особенностей проблемы терроризма, по мнению исследователей, является ускользание сущности этого феномена. Речь здесь идет не столько о научной дефиниции, вокруг которой можно спорить бесконечно, сколько «об очень простой и в то же время исключительно важной вещи: в обществе нет однозначности относительно идентификации тех или иных явлений в качестве террористических» (А. А. Гусейнов)¹. Обращает на себя внимание отсутствие принятых международным сообществом дефиниций, свободных как от субъективного фактора («Террористы – это наши враги, люди, которые ненавидят то, что мы любим»²), так и от мировоззренческой или идеологической

окрашенности («Террорист – это тот, кого мы сегодня считаем террористом <...> завтра он может быть назван защитником свободы, и наоборот»)³.

Наличие противоположных оценок действий террористов, провозглашение их преступниками или героями-освободителями объясняются идеологической позицией, занимаемой исследователем в рамках интеллектуально-мировоззренческих и философских направлений мысли, совпадающих с принятой периодизацией всемирной истории, – традиционализмом, модернизмом или постмодернизмом. Каждое из этих направлений вырабатывает свое концептуальное видение терроризма, называет причины этого явления и предлагает способы решения проблемы.

В рамках *традиционалистского взгляда* терроризм определяется как «использование нелегитимного, антисистемного насилия»⁴. Основной причиной, его порождающей, становится сакрально-символический кризис (т. е. десакрализация, прекращение действия механизмов мифа, дара и символического обмена), предстающий одновременно как кризис культурно-цивилизационный и религиозный. Вследствие «потрясенной веры» происходит перекодировка легитимных механизмов насилия. Основные аспекты терроризма, рассматриваемого сквозь традиционалистскую призму, таковы: во-первых, делигитимизируется существующая власть, обладающая монополией на применение механизма насилия; во-вторых, актуализируются мифологемы религиозной войны, жертвоприношения, героя, врага; в-третьих, сосредоточенный в руках героя, обязательно для традиционного общества наделенный сакральной властью, терроризм обретает металегитимность, становится оправданным в чрезвычайных ситуациях.

Важную роль в реализации террористических актов играет выбор врага (жертвы). В полном соответствии с культурантропологическими концепциями М. Мосса и Р. Жирара жертва должна быть заместительной и очищающей, солидаризирующей «больное» общество. Таким образом, ею становится маргинал, – или посторонний, чужой, неверующий, неверный, или же террорист-смертник, выводимый из общественного устройства. Действия террористов изымаются из профанного мира и помещаются в сакральный, позволяя объявлять священные войны против неверных, крестовые походы в защиту Гроба Господня, войну против терроризма и т. д. Следовательно, религиозные террористы, а также традиционалисты настроенные политики, журналисты и исследователи реанимируют древние архетипы мифологии войны и архаические нормы и правила поведения, ориентированные на защиту собственного сакрально санкционированного мироустройства от посягательств врагов, олицетворяющих зло⁵. Традиционалистская оценка терроризма обязательно строится на концепции сакрализации насилия и архетипической бинарной оппозиции

«Я – Другой», где «Другой» трактуется как иной, чужой, «чудовищный двойник».

На традиционалистском подходе основываются экспертные оценки С. Хантингтона, Б. Тибби, Дж. Гатлунга, Э. В. Саида и других, объясняющих глобальный терроризм через ситуацию войны различных культур, столкновения цивилизаций. Данная концепция связана с переосмыслением бинарного противостояния «цивилизация – варварство», развитого французскими философами в XVII в. и послужившего онтологической основой для европейской экспансии. После «холодной войны» традиция противопоставления богатых (современных, развитых) стран бедным (традиционным, неразвитым или развивающимся) трансформировалась в разделение мира на «зоны мира» и «зоны беспорядка».

Следующая позиция отражает понимание и объяснение феномена терроризма, исходя из современности как *модернизма*. Апологет идеологии модерна в качестве «незавершенного проекта» Ю. Хабермас в своих последних выступлениях переосмысливает «традиционный» набор характеристик проекта «модерн» и дополняет его еще двумя аспектами – «фундаментализмом» и «глобальным терроризмом»⁶. Согласно этой позиции, терроризм является органичным продуктом эпохи Просвещения, порождением отторгаемой модернизации, реакцией общества на влияние идеологии модерна и социальную дезинтеграцию. Секуляризация приводит к появлению когнитивных диссонансов, тесно связанных с утратой ясной эпистемической ситуации соотношения веры и знания, эмансипацией человека от комплексов сакрально-традиционного сознания, а также изменением места религии в структуре общества и государства, что, в свою очередь, приводит к росту фундаментализма.

В мире модерна, реализующем политику глобализации, терроризм приобретает глобалистские черты. Глобальный терроризм, с одной стороны, характеризуется анархичностью, отсутствием реалистических целей, с другой – он современен и модернизирован в соответствии с развитием научно-технического прогресса, что позволяет ему, прилагая минимальные усилия, вызывать серьезные деструктивные последствия, цинично используя уязвимость сложных систем. При этом, по мнению Хабермаса, данный вид терроризма отличает специфическая непрагматичность (с точки зрения западного мышления) – он направлен против врага, которого нельзя победить. Поэтому единственно возможным эффектом террористических атак Хабермас считает рост уровня растерянности и тревоги правительства и населения, что может вести как к панике и разрушению социальных и государственных связей, так и, наоборот, к росту солидарности внутри общества и усилению государственного влияния и контроля⁷.

Оставаясь в рамках «гегельянского модернизма», философ описывает феномен терро-

ризма через основные принципы модерна. Это, во-первых, отрицание и преодоление традиции – волна насилия во многом связана с так называемой ловушкой «асимметричного ответа», когда государство компрометирует себя использованием неадекватных средств в борьбе с терроризмом, – а во-вторых, попытка решить проблему, используя средства и инструменты, уже содержащиеся в ней, – философию объединения и рациональность. Исходя из диалогического подхода и кросскультурной коммуникативистики, Хабермас возводит причины возникновения и перерождения терроризма к ситуации «культуркампаф», т. е. того же, что Хантингтон определил как «столкновение цивилизаций»⁸. Выход из сложившейся ситуации видится в разработке и внедрении диалогического (коммуникативного) сознания и особой переводческой практики – с языка религиозного на язык секулярный и наоборот⁹.

Модернистской оценке феномена терроризма противоположны концепции французских, американских и отечественных исследователей-постмодернистов. Так, французский философ-постструктуралист Ж. Бодрийяр интерпретирует терроризм как средство противодействия тоталитарному и террористическому миру симулякров, воплощенному в Западе (и прежде всего в США, в «American way of life»), через символический дар-вызов средствами самоубийства и жертвоприношения¹⁰. При этом Бодрийяр подчеркивает непрагматический характер террористического противодействия, отмечая именно включение механизма «дара» в качестве альтернативного языка прагматическому, рационально расчетливому гуманизму Запада.

При описании «глобального терроризма» философы постмодерна отмечают такие качества, как анонимность и бессубъектность террористов, сетевую, ризоматическую структуру организации, активное использование технологий и технонауки, интенсивное взаимодействие со СМИ и виртуальную сторону акций и политических действий, экономическую востребованность и продаваемость и т. д. Особенностью постмодернистского взгляда является также оценивание терроризма как одной из новых форм ведения войны. Так, например, Х. Хофмайстер предлагает рассматривать феномен терроризма через призму теории террористической войны, когда бессилие политиков и военных сталкивается с иллюзорной силой террористов, возникающей за счет медийного эффекта устрашения¹¹. Х. Мюнклер вспоминает опустошительные войны древности, когда «кочующие орды врываются в процветающие очаги цивилизации», и придает новое звучание номадистской теории французских постмодернистов, стремящихся объяснить проблемы миграции¹². Причем в обеих упомянутых интерпретациях используется асимметричная конфронтация как своеобразный ключ к успеху.

Постмодернизм вновь возвращает нас к традиционному видению мира в рамках бинарных оппозиций и «символического обмена», т. е. теории кросскультурной коммуникации. Однако, в отличие от модернизма, легитимирующего Запад с его воинствующим гуманизмом или тоталитарной рациональностью, постмодернизм объясняет и легитимирует поступки террористов, в которых человек пытается прорваться к реальности (сакральной) через вызовы глобализации, симулякры и гиперреальность. Тем не менее рекомендаций по решению указанных проблем постмодернизм не дает.

Примечания

- 1 Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа : материалы «круглого стола» // *Вопр. философии*. 2005. № 6. С. 5.
- 2 *Бжезинский З.* Обращение к конференции «Новые стратегии США для мира и безопасности» // *Вестн. Московской школы политических исследований*. 2004. № 1 (28). С. 37.
- 3 *Карачолло Л.* Геополитика после 11 сентября // Там же. 2002. № 4 (23). С. 55 ; *Гатри Ч.* Современный терроризм // Там же. 2005. №3 (34). С. 43.
- 4 См.: *Борисов С. Н.* Философско-культурологический анализ феномена терроризма в мире традиционализма и современности : дис. ... канд. философ. наук. Белгород, 2005. С. 9–10, 29.
- 5 См.: *Борисов С. Н.* Указ. соч. С. 43–51 ; *Кэмбелл Дж.* Мифы, в которых нам жить. Киев ; М., 2002. С. 165.
- 6 См.: *Хабермас Ю.* Вера и знание // Хабермас Ю. Будущее человеческой религии. На пути к либеральной евгенике? М., 2002. С. 117–131 ; *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 9–29, 77–101.
- 7 См.: *Хабермас Ю.* Расколотый Запад. М., 2008. С. 9–10, 19, 49–50, 87.
- 8 См.: «Война против терроризма» – взгляд экспертов // *Вестн. Московской школы политических исследований*. 2002. № 1 (20). С. 44–48 ; *Луис Б.* Ислам и Запад. М., 2003. С. 84–85 ; *Хабермас Ю.* Вера и знание. С. 117–119 ; *Хабермас Ю.* Расколотый Запад. С. 20–24, 176 ; *Штудниц фон Э.-Й.* Диалог культур в мире завтрашнего дня // *Вестн. Московской школы политических исследований*. 2002. № 1 (20). С. 23, 28–29.
- 9 См.: *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология». М., 2007. С. 9–16, 27, 31–33, 47 ; *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне: 12 лекций. М., 2008. С. 17.
- 10 См.: *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 97–99, 100–101, 288.
- 11 См.: *Хофмайстер Х.* Теория террористической войны // *Ното philosophans* : сборник к 60-летию проф. К. А. Сергеева. СПб., 2002. Вып. 12. С. 439–452.
- 12 Приводится по: *Кокорин С. А., Болдырев Ю. Ф.* Мирное сообщество и борьба с терроризмом: история и современность. Волгоград, 2007. С. 148–149.